

ББК 88.351

О.Л. Сытых

Познание сквозь призму сознания и бессознательного

O.L. Sytykh

Cognition through the Prism of Consciousness and Unconsciousness

Познание рассматривается как сложный процесс, в котором переплетаются сознательные и бессознательные моменты. В статье убедительно показывается особая роль бессознательного в начальный период формирования знания (когда оно носит вероятный характер). Первые догадки по поводу чего-либо нового (неизвестного) часто возникают на уровне бессознательного, а в выдвижении гипотез и их дальнейшем обосновании всегда переплетаются как сознательные, так и бессознательные моменты. Автор обращает внимание на то, что связь бытия человека (субъекта познания) с бытием мира играет важную роль в формировании и представлении знания, и эта связь многоплановая, проходящая через сознание и неосознаваемая (бессознательная).

Ключевые слова: познание, сознание, бессознательное, вероятное знание, бытие.

Известные слова Гегеля о том, что «истина есть процесс», весьма созвучны современному осмыслению познания, в котором каждый этап познания рассматривается как еще один шаг к достижению все более глубокого и полного знания. В этом процесс «развертывания истины» целесообразно выделение двух основных этапов познания: этапа вероятного и достоверного знания. Для подавляющего большинства исследований начальный (первый) этап познания – это формирование вероятного знания, которое является своеобразным промежуточным итогом познавательной деятельности на пути от незнания к истине. В науке и практике оно представлено такими гносеологическими формами, как гипотезы, прогнозы, версии, мнения. Вероятное знание характеризуется двумя основными чертами: частичной обоснованностью и частичной уверенностью субъекта познания в возможной истинности, находящегося в центре системы вероятного знания суждения-предположения.

Формирование вероятного знания всегда связано с активной творческой деятельностью субъекта. Чем руководствуется человек, выдвигая ту или иную гипотезу, строя тот или иной прогноз? Какую роль при этом играют сознательные и бессознательные фак-

The author considers knowledge as a complex process, in which the conscious and unconscious moments are intertwined. The article convincingly shows a special role of the unconscious in the initial period of the formation of knowledge (when it has probable nature). The first conjectures about something new (unknown) often arise at the level of the unconscious, and in the nomination of hypotheses and their further justification, both conscious, and unconscious moments are always intertwined. The article pays attention to the fact that the relationship of human existence (the subject of cognition) with the existence of the world plays an important role in the formation and representation of knowledge. And this is a multi-faceted relationship which passes through the consciousness and unconsciousness.

Key words: cognition, consciousness, unconsciousness, probable knowledge, existence.

торы? Это и будет предметом нашего рассмотрения в данной статье.

Известно, что знание всегда социально детерминировано, и эта детерминация, выраженная в языке, научных нормах, мировоззренческих установках, влияет не только на форму, но и на содержание знания.

Влияние общества на развитие знания, получившее свое словесное оформление в понятии «социальность науки», выражается и в том, что социальные потребности, возможности, социальный заказ, научные интересы влияют на выбор разрабатываемой темы, конкретной идеи для объяснения факта или события, в определенной степени – на процесс рождения и развития вероятного знания (будь то прогноз, гипотеза или мнение).

Движение к научному открытию, к новому знанию начинается либо с социальной или собственно научной потребности, либо с возникновения проблемной ситуации и постановки проблемы.

Социальные потребности стимулировали разработки новых конструкций летательных аппаратов с соответственно заданными свойствами, новых средств связи, нового оружия и т.д. И прежде чем все это было найдено, открыто и создано, формулировались определенные предположения – гипотезы, прогнозы и пр.

Выбор цели исследования в вышеприведенных примерах происходит сознательно. Но часто наши цели оказываются обусловленными наличием или отсутствием определенных познавательных средств, и это тоже влияет на наш сознательный выбор предмета исследования. Отсутствие определенных познавательных средств, прежде всего знаний, приводит к тому, что соответствующие цели вообще не могут быть поставлены. Если античный человек ничего не знал о полях, то у него не возникало вопроса о влиянии электрических полей на здоровье человека.

Наиболее распространенный путь формирования знания имеет своим началом возникновение проблемной ситуации. В свою очередь, ее возникновение часто определяется каким-либо эмпирическим открытием. Таким, например, было открытие электрона в конце XIX в. Считавшийся на протяжении многих веков неделимым атом «обнаружил свою делимость». Ответная реакция человека на неизвестное, не вписывающееся в его систему знания, факт или явление, – это фиксация проблемы и выдвижение догадок и предположений. Человек пытается объяснить для себя и окружающих новое, неопределенное, и выражением этих объяснений будут конкретные суждения-предположения. Эти объяснения чаще всего связаны с поисками ответов на сознательно поставленные вопросы, касающиеся природы, механизмов или структуры обнаруженного явления, его места и функций в системе известных явлений и ряда других вопросов общего характера. Открытие электрона выдвинуло в качестве главного вопрос о структуре атома, который определил развитие физики на ряд десятилетий.

В формировании вероятного знания многое происходит на стыке сознания и бессознательного.

Надо отметить, что в сознательной деятельности исследователей, в используемых ими идеальных образованиях фиксируются и существуют отношения, являющиеся детерминантами познавательной деятельности. Например, исследователи в своем мышлении руководствуются законами формальной логики, и это происходит независимо от их воли и сознания. Скорее, отход от принципов формальной логики носит сознательный характер.

То же можно сказать и о влиянии на формирование вероятного знания трансляции теоретических знаний в культуре. Она (трансляция) включает в себя также трансляцию в культуре образцов деятельности по решению задач. «В этих образцах запечатлены процедуры и операции генерирования новых гипотез (по схеме: картина мира – аналоговая модель – подстановка и модель новых абстрактных объектов). Поэтому при усвоении уже накопленных знаний (в процессе формирования ученого как специалиста) происходит усвоение и некоторых весьма общих схем мыслительной работы, обеспечивающих генерацию новых гипотез» [1, с. 153].

Бессознательное использование этих схем лежит в основе формирования вероятного знания. Так, большинство наук пользуются гипотетическими моделями. При их создании происходит соединение абстрактных объектов, почерпнутых из одной области знания, со структурой (сеткой отношений), заимствованной из другой. В новой системе отношений абстрактные объекты наделяются новыми признаками, и это приводит к появлению в гипотетической модели нового содержания, которое носит вероятный характер.

Однако особенно ярко роль бессознательного в формировании вероятного знания проявляется на уровне субъекта-личности. Размышляя над вопросом о том, как ученый делает открытие нового, выдающийся российский исследователь П.Л. Капица пишет, что «движение вперед нашего познания природы происходит тогда, когда между теорией и опытом возникает противоречие» [2, с. 305–320]. И тем самым он констатирует известную истину о том, что познание начинается с проблемы. Ученые осознают, что есть факты, не вписывающиеся в прежнюю (господствующую) теорию, и эти факты требуют объяснения. Из этого требования и рождаются догадки, идеи, предположения.

Рассматривая возникновение проблемы на личностно-субъективном уровне, следует заметить, что оно (это возникновение) влечет за собой появление в сознании индивида определенного диссонанса. Р. Зайонц считает, что когнитивный диссонанс – это определенное эвристическое средство, главной функцией которого является стимулирование исследований, выведение эмпирических гипотез [3, с. 320–411]. Явление диссонанса включает в себя мотивационные (энергетические) и познавательные (информационные) компоненты. Проблема, представляющая собой знание о незнании, оказывается знанием, а точнее – информацией, не согласующейся с существующим в голове человека знанием, оно может осмысливаться как информация, не согласующаяся с прошлым опытом субъекта. И человек будет стремиться преодолеть этот диссонанс. Причем это преодоление может идти несколькими путями. Один из них, наиболее распространенный, – добавить новое знание, примиряющее диссонирующие элементы. Процесс формирования вероятного знания включает в себя и добавление новых элементов в существующее знание, и анализ изменения собственных представлений и оценок.

Степень доверия к уже существующей в сознании субъекта системе знаний уменьшается, и часть знаний, которая представлялась до этого вполне достоверной, как раз та часть, которая не согласуется с появлением новой информации, подвергается им сомнению, приобретает элемент неопределенности и переходит в разряд личностно-вероятного знания. Стремление субъекта познания к ослаблению диссо-

нансного отношения будет выражаться, помимо прочего, и в весьма избирательном отношении к подбору новой информации. Как отмечают западные психологи, изучающие этот вопрос (Р. Зайонц, Л. Фестингер, С. Шехтер), многое в последующем подборе информации зависит от чувства свободного выбора, который определяется зависимостью человека от коллектива, от власти авторитетов, от вознаграждений и от собственно-личностных привычек и самооценки. И иногда эта зависимость носит бессознательный характер. Если над человеком довлеет власть авторитетов, то подбор информации будет направлен, скорее, на опровержение знаний, вносящих диссонанс; если же человек более свободен в своем выборе, то здесь, безусловно, будет идти более объективный подбор фактов. Человек с высокой самооценкой, уже высказавший свое мнение по поводу вновь обнаруженных фактов, оказывается значительно больше в плену своих обязательств (своих прежних мнений), чем человек с низкой самооценкой. Под давлением мнения группы индивид будет изменять свою точку зрения, если группа важна для него, и будет придерживаться своих взглядов, если интеллектуальный уровень группы он оценивает низко. При этом следует заметить, что человеку труднее изменить знания о физических аспектах внешнего мира, чем субъективные оценки своих мнений, состояний, отношений [4, с. 27].

Познавательный процесс, начинающийся с обнаружения проблемы и возникновения диссонанса, продолжающийся подбором информации и выдвижением гипотезы, не всегда протекает последовательно и равномерно. Иногда зафиксированная проблема, отмеченный факт не согласуются с имеющимся у субъекта знанием, сопровождаются массой новых фактов, которые добавляются к уже зафиксированному, и на их основе выдвигается гипотеза. Другой вариант развития познавательного процесса – это выдвижение предположения на основе анализа одного факта, к которому затем уже в процессе дальнейшего развития ситуации добавляется все новая и новая информация. Так или иначе самым трудным и загадочным для ученых по-прежнему остается процесс возникновения идеи для объяснения неизвестного, процесс рождения знания.

По мнению М. Мамардашвили, новое знание (а таким является в момент рождения знание вероятное) появляется в ответ на возникшую проблему и представляет собой свободное явление. Возникшая и оформившаяся в суждение-предположение идея одновременно есть и высказывание об объекте, содержащее представление о некоей упорядоченности мира, и результат понимания бытия, который образует определенную структуру сознания, строй мысли, способный порождать новое знание. Как считает М. Мамардашвили, сложность заключается в том, что этот строй мысли не выводим из предшествую-

щего порядка и непредсказуем. При этом философ подчеркивает, что события знания случаются, но не случайны, хотя логика их возникновения еще не раскрыта [5, с. 281–297].

М. Мамардашвили подчеркнул важный момент, отметив, что рождение нового знания – это и высказывание об объекте, и фиксирование представлений об определенной упорядоченности мира, и, что представляется нам особенно ценным, определенный результат понимания бытия. Именно этим моментом, в первую очередь неоднозначностью понимания бытия мира различными субъектами познавательной деятельности, объясняется различие реакций на «неизвестные» науке факты, различные субъективные отношения, лежащие в основе формирования и развития вероятного знания. Когда мы говорим о том, что именно субъективное отношение – отношение к предмету познания – является ведущим фактором в создании вероятного знания, то закономерно возникает вопрос: а почему у разных людей, обладающих на первый взгляд одной и той же информацией, оно будет различным? Почему, например, одни люди склонны сегодня объяснять экстрасенсорные способности человека, опираясь на его физиологические особенности, другие отталкиваются от духовного развития личности, а третьи несколько десятков лет бьются над доказательством отсутствия «экстрасенсорики»? Определенное понимание бытия мира каждым субъектом – вот ответ на этот вопрос.

Событие в мире знания связывает воедино определенность бытия субъекта и неопределенность для него «чего-то» в мире. Но этому предшествует разрыв единого мира познающего субъекта, разрыв, связанный с появлением чего-то необъяснимого в рамках существующей у субъекта системы знания. «Мы говорим о "знании" чего-либо, – писал К.Г. Юнг, – когда нам удастся связать новое восприятие с уже существующим фоном или контекстом таким образом, что мы удерживаем в сознании не только данное восприятие, но и части этого контекста» [6, с. 16]. Для исследователя это низшая, первая ступень сознания, заключающаяся в связи двух и более психических содержаний. К.Г. Юнг писал это по поводу того, как ребенок познает мир. Однако думается, что подобным образом происходит и познание и освоение взрослым человеком нового, и в целом освоение новых сфер и областей человечеством.

Люди стремятся избавиться от явления диссонанса, оно тяжело для человека психологически. Ученый, как и любой другой человек, не занимающийся научными поисками, стремится к согласованности и непротиворечивости всех имеющихся знаний. Вновь появившийся неизвестный факт, характеризующийся неопределенностью, не должен прервать цельность его миропредставлений, един-

ство этого бытия (бытия мира в сознании человека). В этом плане «научный идеал» ученого может быть связан и с принципом, и с идеей, и с гипотезой, и с общей картиной мира (в которых это все фиксируется), для которой полная достоверность, полное соответствие с объектом познания уходит в бесконечность. Такая картина мира указывает познанию его предстоящее направление. Но человек всегда стремится достичь картины мира, рисуемой в идеале. И здесь важна интуиция, связывающая новые явления с тем, что известно человеку. «...Интуиция в некотором смысле представляет собой “начальную” фазу исследования, задавая образ “целого” без явного указания на его устройство... Таким образом, возникает как бы контур объектной области, для уточнения и детализации которой в дальнейшем применяются средства дискурсии» [7, с. 393].

Этому вопросу – роли интуиции в связи «нового» и «старого» знания – большое внимание уделял выдающийся физик А. Эйнштейн. По его мнению, появление ощущений первоначально вызывает у человека некоторые ассоциации. Эти ассоциации становятся логически связанными понятиями с помощью интуиции. В «Автобиографических заметках» 1949 г. А. Эйнштейн пишет: «Я вижу, с одной стороны, совокупность ощущений, идущих от органов чувств; с другой стороны, совокупность понятий и представлений, записанных в книгах. Связь понятий и предложений между собой – логического характера; задача логического мышления сводится исключительно к установлению соотношений по твердым правилам, которыми занимается логика. Понятия и предложения получают смысл и “содержание” только благодаря их связи с ощущениями, связь последних с первыми – чисто интуитивная и сама по себе нелогической природы» [8, с. 134–136]. Таким образом, для А. Эйнштейна именно интуиция реализует связь между Логосом и Сенсусом. Интуиция для него эмоциональна. Кроме того, у А. Эйнштейна мы находим суждение и о характере ассоциаций, заполняющих сознание ученого. По его мнению, образы и знаки, являющиеся элементами мышления, комбинируются сознанием. «Существует, естественно, – пишет А. Эйнштейн, – некоторая связь между этими элементами мышления и соответствующими логическими понятиями. Стремление в конечном счете прийти к ряду логически связанных понятий служит эмоциональным базисом достаточно неопределенной игры с упомянутыми выше элементами мышления» [9, с. 25–26]. Интуиция, находящаяся «на краю сознания», связывает подсознание (в котором нет интроспекции, нет связанного с ним разрыва) с находящимся под контролем интроспекции логическим умозаключением. Многие исследователи, обращавшиеся к проблеме интуиции, пытались найти

ей место, связав ее с сознанием или бессознательным. А. Бергсон, например, видел в интуиции атрибут «сверхсознания». А. Эйнштейн же отмечал, как мы уже показали выше, ее сенсуальные корни. Для последнего «интуиция – это путь от конечной серии сенсуальных впечатлений, от эмпирии и внешнего оправдания к бесконечному в своей основе, выведенному логически из наиболее общих посылок правилу, т.е. к внутреннему совершенству» [10, с. 55]. Идеи А. Эйнштейна и А. Бергсона не являются абсолютно несовместимыми, как может показаться на первый взгляд.

Современные исследования чувственного познания убедительно показывают, что ощущения, которые получает человек в процессе знакомства с объектом, не формируют у него образ; воздействие предмета на органы чувств недостаточно для того, чтобы человек мог разграничить реальность и иллюзии [11]. Результаты значительной части современных исследований показывают, что ощущения нам дают не образы, а знаки. Однако переход к логике от знаково-чувственных восприятий, как и от другой разрозненной информации различного происхождения, не является простым шагом.

Образ, как считает К. Юнг, приходит к человеку из бессознательного. «Бессознательное, – пишет он, – просто создает образ, который есть реакция и ответ на сознательную ситуацию. Этот образ содержит в себе столько же мысли, сколько и чувства, и, пожалуй, является всем чем угодно, только не продуктом рационального обдумывания» [6, с. 144]. Но чаще всего юнговское «все что угодно» представляет собой либо определенный символ, либо образ, несущий символическую нагрузку. Информационная емкость символа является хорошим трамплином для последующего развития познавательного процесса. «...Соотносясь с понятиями и выражая его, символ вызывает в сознании цепь ассоциаций, приводящих к представлениям о конкретных вещах, свойствах и отношениях, на основе которых и появились понятия» [12, с. 14–15]. Но надо иметь в виду, что «интуиция имеет противоречивую природу: внезапность озарения, неожиданность догадки предполагает предварительную сознательную работу и волевые усилия по накоплению информации, из которой “озарение”, однако, не следует логическим путем, но без которого оно произойти не может» [13, с. 84].

«Перевод» дополнительной информации из сферы бессознательного в сферу сознания и интерпретация существующих фактов с включением этой дополнительной информации будет зависеть от уровня развития мышления субъекта, от общественной практики и культурного контекста, выражаясь словами М. Мамардашвили, от представлений субъекта «о некоей упорядоченности мира» и от понимания им бытия.

Библиографический список

1. Степин В.С. Философская антропология и философия науки. – М., 1992.
2. Капица П.Л. Научные труды. – М., 1998.
3. Zajonc R.B. Cognitive theories in social psychology // Handbook of social psychology. – Reading, 1968. – Vol. 1.
4. Трусов В.П. Социально-психологические исследования когнитивных процессов. – Л., 1980.
5. Мамардашвили М.К. К пространственно-временной феноменологии события // Стрела познания. – М., 1996.
6. Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. – СПб. ; М., 1997.
7. Метафизика : учебное пособие / под ред. Б.И. Липского, Б.В. Маркова, Ю.Н. Солониной. – СПб., 2008,
8. Эйнштейн А. Творческая автобиография // Физика и реальность : сборник статей. – М., 1965.
9. Einstein A. Ideas and opinions. – N. Y., 1954.
10. Кузнецов Б.Г. Идеалы современной науки. – М., 1983.
11. Барабанщиков В.А. Динамика зрительного восприятия. – М., 1990.
12. Уваров Л.В. Символизация в познании. – Минск, 1971.
13. Микешина Л.А. Философия науки : учебное пособие. – М., 2006.